

**«Ты цыган, но мы тебя все равно любим».
К вопросу о дискриминации в чешском обществе
(на примере отношения к «цыганским» детям
дошкольного возраста)**

Предметом нашего небольшого исследования являются некоторые виды устной и письменной дискриминации, касающиеся сирот дошкольного возраста (младше 3 лет), которые были идентифицированы чешскими чиновниками, часто без всякого основания, как цыганские дети. В основу нашей методологии положены дискурсивный анализ Филиппа Сарасина и дефиниция Бенедикта Андерсена наций как «воображаемых сообществ». Мы анализируем тексты некоторых книг, лекций и брошюр, адресованных потенциальным опекунам и усыновителям «цыганских» детей, потому что мы также являемся опекунами. Мы обсуждали вопрос усыновления/удочерения цыганских детей в беседах с разными людьми, образованными и необразованными в различных, зачастую в самых неожиданных ситуациях и местах.

Ключевые слова: расизм; мультикультурализм; чешское общество; цыган; воображаемое сообщество; нация; национализм; дискриминация; изобретение нации; конструирование нации; мифологическая нация; национальная идентификация; домашний расизм; колониальный расизм.

Предмет и задачи исследования

Данное исследование посвящено различным способам дискриминационного поведения по отношению к цыганским детям, которые мы часто можем наблюдать в чешском обществе. Мы начнем с нескольких характерных примеров: если цыганский ребенок на детской площадке шалит и кричит, то он неожиданно может получить строгое замечание от какого-нибудь взрослого чеха, чтобы вел себя тише, хотя остальные дети ведут себя не менее громко. Цыганенок воспринимается чешскими родителями специфически, а поэтому иногда звучат предостережения, направленные к собственным детям, что вот тот шумный ребенок «злой». В названных случаях приемный родитель или опекун цыганского ребенка, если он иностранец, может подумать, что столкнулся с какими-то не в меру чадолобивыми чехами, и только местный житель поймет, в чем, собственно, дело. Сообщение, передаваемое поведением или речью, может быть прочитано (декодировано) только слушателем, который, понимая чешский язык, обладает еще и необходимой стилистикой восприятия, позволяющей точно воспринять переданную информацию. Подчеркнем: в таких ситуациях никогда не прозвучит слово «цыган».

Касаясь декодирования, или полного понимания речи, приведем следующий пример: когда видный чешский политик, выставляющий свою кандидатуру на выборах, осуждает «социальных паразитов», то чешский обыватель понимает, что речь идет о цыганах, хотя нигде в публичных выступлениях кандидата о них не сказано ни слова.

У некоторых усыновителей/удочерителей (далее – усыновители) или опекунов вызывает улыбку, у некоторых изумление часто встречающаяся в Чехии

* **Сергей Яковлевич Гаген**, канд. ист. наук, канд. юрид. наук, PhD, внештатный научный сотрудник Славянского института Академии наук Чешской Республики (г. Прага, Чехия).

** **Юлия Янчаркова**, PhD, штатный научный сотрудник Славянского института Академии наук Чешской Республики (г. Прага, Чехия).

спонтанная реакция на сообщение, что их ребенок, очевидно, цыганского происхождения: «Ой, он похож скорее на итальянца!»

Приведенные примеры указывают на явление, которое стоит за всеми этими высказываниями и способами поведения. Речь, несомненно, пойдет о расизме, но не об открытом, сопровождающемся какой-то инфернальной злобой, а о латентном, добродушном и даже «ласковом расизме», с проявлением действительно искреннего участия к судьбе ребенка, которому выпала нелегкая доля родиться цыганом в Чехии. Носителями этого расизма часто являются и поистине замечательные, мужественные люди, которые, несмотря на все установки общества, приняли решение помочь ребенку или детям.

Нашей задачей является рассмотрение форм и способов утверждения в повседневной речи доминирующего положения одной социальной группы по отношению к другой. Поскольку же это речевое поведение проявляется на «микроуровне», а именно в ситуации повседневного социального контакта, поскольку оно закодировано для иностранцев, то на уровне государственных учреждений наличие такого неформального и незаконного третирования и унижения части сограждан официально не признается.

Говоря о расовой дискриминации, мы обратимся к исследованию Бенедикта Андерсена, который пришел к выводу, что расизм не является порождением национализма, что это явление более старое, связанное с представлением «о вечной ритуальной нечистоте, которая распространяется через грязные сожительства» [3, s. 149]. В этом случае речь идет о религиозной общине более раннего времени, в которой постулируется особая чистота крови правящего социального слоя¹. По Андерсену, логическим развитием этого «домашнего расизма» является «колониальный расизм», в котором правящий класс выступает в качестве некоего воображаемого «солидарного сообщества белых людей»². Принципиальным для нас является утверждение Андерсена, что это сообщество по своей сути выдуманное, фиктивное, которое создается и существует, прежде всего, в языке [3, s. 154]. С этой точки зрения расизм можно отождествить с дискурсом, под которым мы понимаем не какой-то определенный метод, но теоретическую или, скорее, философскую позицию, о которой мы упомянем ниже [9, s. 8].

Подчеркнем, что существующая в Чехии ситуация сложна не только для цыганских (везде и всюду их без стеснения называют «черными»), но и для всех остальных (соответственно, «белых») детей, которые должны усваивать свое иное, фактически господское, положение уже на детских площадках, в детских садах, школах и в прочих учреждениях, где они со всей детской непосредственностью воспринимают закодированную речь родителей. В этой связи следует обратить внимание на очень узкий вопрос: отношение государства в лице органов опеки и попечительства (далее также социальных служб) к усыновлению/удочерению (далее – усыновление) или долговременному опекунству малолетних детей (дошкольного возраста), предположительно цыганского или частично цыганского происхождения. Необходимо подчеркнуть, что в этой области не существует какого-либо фундаментального и серьезно разработанного научного исследования, позволяющего создать теоретические принципы, которые могли бы послужить конструкцией для постройки механизмов в деле отношения к цыганским детям как к

¹ Рассуждения Андерсена заслуживают более глубокого анализа, возможно, с опорой на библейские тексты, а также в этом контексте можно припомнить учение Аристотеля о «прирожденном рабстве» всех не-греков, т. е. варваров. В этой связи популярный во всем мире сериал «Игра престолов», в котором сверхъестественные способности персонажей связаны с чистотой их крови и принадлежностью к высшей знати, является открытой публичной пропагандой расизма [3, s. 149].

² Андерсен также считает порождением расизма ранние Женевские конвенции о ведении войны, когда офицерам воюющих армий предписывалась «джентльменское поведение» по отношению к офицерам (но не солдатам!) противника [3, s. 153].

равноправным членам общества и передачи их в семьи, желающие заняться их воспитанием.

Далее кратко обратимся к теории дискурса, которая поможет нам заявленные проблемы рассмотреть. Процесс познания и личный опыт всегда индивидуальны, но чтобы передать его другим, личные переживания субъект пропускает через растр языка. Под таковым растром следует понимать существующие в обществе образцы речевого поведения, опирающиеся на метафоры и клише, которые существуют как бы сами по себе. В этом и заключается проблема дискурса, так как метафоры и клише имеют собственную логику, которая при передаче меняет смысл передаваемого текста. Поэтому люди, имеющие положительный опыт усыновления или опеки цыганских детей, прибегают к клише и метафорам, имеющим негативный по их опыту смысл, и, сами того не желая, часто распространяют прямо противоположные их убеждениям взгляды. На эту проблему до нас никто не обратил внимания, хотя в литературе было отмечено, что дискурс обладает материальностью и собственной логикой, которая отделяет мыслимое субъективно от объективно сказанного [9, s. 37]. В методическом отношении можно считать удачной метафору Филиппа Сарасина [9, s. 59], который предлагает рассматривать существующий дискурс, касающийся определенной проблемы, как напластование полупрозрачных слоев разных дискурсов, которые как бы проступают один через другой, но не связаны генетически или логически. Эти слои являются полностью самостоятельными.

Заявленную частную проблему – латентный расизм как повседневное речевое поведение – мы отделяем от большой проблемы отношения чешского общества к реально существующим цыганам, как сегодня, так и в продолжительной исторической перспективе. Эта проблема хорошо исследована во множестве публикаций.

Расизм особенно ярко расцветает на почве, говоря языком немецких романтиков, чистого «народного духа». Этот «народный дух» наиболее ярко заметен тогда, когда речь идет преимущественно о детях до трех лет – живущих в детских домах или в семьях опекунов, а также об усыновленных детях. Расистский дискурс наделяет этих детей каким-то врожденным бессознательным национальным или этническим самосознанием и заложенной природой судьбоносной тягой к поискам собственной идентичности под влиянием мистического «голоса крови». В этом пункте наш предмет исследования затрагивает более абстрактную проблему, которая касается обнаружения механизма конструирования фиктивных, воображаемых сообществ (*imagined communities*³) и, в частности, того, какую роль в этом конструировании играют «научные» измерения, аргументы и квазиисследования или выводы из интерпретаций известных исследований, а также социальные мифы.

В связи со сказанным выше наш интерес вызывают тексты в широком понимании этого слова: письменные документы и устные рассказы. Главным методом исследования является анализ дискурса этих текстов. Мы обратимся к материалам, призванным помочь опекунам и усыновителям, – многочисленным книгам и брошюрам, подготовленным специалистами социальных служб, лекциям и консультациям с людьми, имеющими к проблеме самое непосредственное или профессиональное отношение: опекунами и усыновителями, опекаемыми и усыновленными, социальными работниками, работающими в разных звеньях государственного механизма заботы о детях, детскими психологами, врачами и медсестрами, юристами. Не менее важная составляющая в сборе материала – собственный опыт (с октября 2017 года мы опекаем мальчика Фому, 2016 г.р.). Дополнительным материалом служат рассказы и реакции на разные жизненные ситуации,

³ Термин от Бенедикта Андерсона (см. также: [9, s. 156–164]).

связанные с цыганскими детьми, окружающей нас местной среды, от малообразованных людей до высокопоставленных чиновников и даже ученых. В добавление скажем, что авторы данного эссе являются не чехами, а иностранцами, долго живущими в ЧР, один из которых имеет гражданство этой страны. Этот, вторичный по значению, факт оказывается важным именно в том, что мы, в отличие от местного населения, не исходим из представлений о цыганах, сформированных в детстве и ставших, как, к сожалению, получается, частью национальной идентичности.

Актуальность исследования заключается в выработке своеобразного «дискурсивного противоядия», жизненно необходимого для людей, усыновивших или взявших в опеку цыганских детей: и дети, и их покровители продолжают страдать от отравляющего их «дискурсивного яда», который вырабатывает чешское окружение. Подчеркнем, что мы тоже используем метафоры, ибо «больное общество» есть очень старая метафора, но считаем, что целителями должны выступать не политики, а интеллектуалы, как специалисты по символам [5, s. 236], способные увидеть механизмы «заражения» общественного сознания через клише и смыслы, влияющие на отношение к определенной социальной группе, которая искусственно обособляется.

Другое практическое применение заключается в выделении проблемы отсутствия в современном чешском обществе метафор и клише для выражения положительного опыта в воспитании цыганских сирот. Многие искренние и самоотверженные люди, взявшие на себя труд идти против течения, парадоксальным образом поддерживают и укрепляют то мнение, с которым они не согласны и с которым борются всю свою профессиональную жизнь. Кроме того, факт дискриминации остается часто невидимым и в правовом поле, так как для описания возникающих специфических ситуаций, которые не подпадают под стандартные случаи дискриминации, просто отсутствует необходимый юридический дискурс.

Дискурсивный яд

Итак, дискурсивный яд – это метафора, помогающая понять, с чем мы имеем дело: при укусе опасного насекомого человек получает порцию яда, которая заставляет его испытывать страдания, так как в организм попадают вредоносные элементы. Подобным образом усыновители или опекуны обоего пола получают дозы «дискурсивного яда», причем в самых неожиданных местах: в больнице, на детской площадке, при визите к знакомым и т. д., т. е. при любом социальном контакте, когда социальная реальность находит свое выражение в речи.

Особое значение имеют случаи распространения антицыганского дискурса непосредственно социальными работниками, которые зачастую вполне искренне осуществляют заботу о детях. Эта проблема, кстати, уже отмечена специалистами, но мы не будем касаться ее в деталях, так как она относится к другому вопросу – эффективности социальных служб.

Метафору «дискурсивного яда» мы можем проиллюстрировать личным опытом. Перед принятием в нашу семью Фомы, мы, в поиске ответов на некоторые вопросы, в сентябре 2017-го, встречались с сотрудницей из большой общественной организации «Хорошая семья». Специально подготовленный специалист по проблемам усыновления и опеки цыганских детей подала нам ряд советов, отражающих современный чешский «научный» подход к этой социальной проблеме. Центральная ее идея была следующая: «Нельзя ничего скрывать. Нужно ему сказать: “Ты цыган, но мы все равно тебя любим”». Здесь следует пояснить, что речь шла о двухлетнем ребенке, который никогда не жил в цыганском окружении и со своей матерью встречался не более двух месяцев.

Стандартная фраза содержит сразу несколько смыслов. Первый и самый главный – «ты цыган, но...». Мы можем перефразировать эти слова так: мы любим тебя, несмотря на то, что ты цыган. В высказывании социальной работницы содержится информация, что наш двухлетний ребенок по факту рождения отличается от других детей. Невольно напрашивается сравнение «цыгана» с неизлечимым наследственным заболеванием или инвалидностью. Метафора болезни незримо присутствует в отношении к этой социальной группе, подчеркнем, коренного чешского населения⁴. Ребенок, причисленный к цыганам, должен с ранних лет принять мистическую, т. е. рационально необъяснимую, «вину» за свою врожденную «испорченность».

На наш вопрос: «А как же узнать, цыган ли наш мальчик, это ведь нигде не написано?» – квалифицированная сотрудница попросила показать его фотографию на телефоне. Посмотрев, она сказала: «Да, цыган, это ясно, мы, чехи, это видим сразу». Данное высказывание по своей сути – проявление магического чувства крови, наделяющего чехов, как избранный народ, особым даром «видеть» цыган. Нужно добавить, что с подобным утверждением сталкиваешься в ЧР постоянно. Тезис об умении «видеть» цыган объединяет членов общества, которые по своей профессии являются как бы носителями «научного» мировоззрения, с обычными людьми. Когда чешские массмедиа признают существование «латентного расизма» в обществе, то они лишь отчасти лукавят. Расизм по отношению к цыганам, которые здесь родились и являются гражданами ЧР, является «латентным» только для лиц, которые не освоили чешскую культуру и не могут «декодировать» соответствующий дискурс. Но для носителей чешской культуры расизм вполне открытый и, как можно вывести из данного контекста, является легальной составной частью чешской самоидентификации (что доказывает умение распознать «чужого» по внешнему признаку). Ирена Райхова отмечает, что во время последней переписи населения Чехии в 2011 году только 11 000 жителей заявило о своей цыганской национальности, тогда как разные статистические исследования оценивают цыганскую популяцию в 150–200 тыс. человек [7, s. 35].

Таким образом, отнесение ребенка к цыганам осуществляется чехами, как можно предположить, на основании отождествления себя с мифологической чешской нацией.

Миф как основа национального чувства характерен не только для Чехии. В этой связи интересен анализ преамбулы Конституции Федеративной Республики Германии Куртом Хюбнером, который показал, как в одном небольшом тексте могут сосуществовать и непротиворечиво уживаться мифическое, немифическое и мифически нейтральное [2, с. 330–333]. С точки зрения названного текста, «нация представляет собой индивидуум, идентичность которого неподвластна времени и поэтому является чем-то сверхъестественным. <...> Принадлежность к ней является не субъективной диспозицией, а судьбой и вследствие этого не имеет ничего общего с профанной каузальностью и случайностью» [2, с. 331]. Итак, цыгане исключаются из чешской мифической нации-индивидуума, куда свободно могут быть включены выходцы из современной Западной Украины.

Вернемся к описанному случаю консультации в организации «Хорошая семья». Психология сегодня усиленно пытается помочь при депривации, а также занимается вопросами «доверия – недоверия» в связи с отношениями родителей и детей. И достижения психологии, утверждающие, что любовь важна, а принятому в семью ребенку лучше сказать правду о том, что он не биологический, чтобы не подорвать его доверия к приемным родителям в будущем, без сомнения, сотруд-

⁴ Об этом подробнее см.: [9, s. 223–229].

ники чешских центров знают. Но на это полезное знание накладывается либеральная идея-представление об обществе как архипелаге малых идентичностей.

С точки зрения социальной службы Чехии, проявлением «любви» со стороны родителей или опекунов к малышу является формирование его национальной идентичности как цыгана. Понять эту «любовь» возможно только в том случае, если принадлежность к нации, т. е. к упомянутому выше «сверхъестественному индивидууму», двухлетнего ребенка, который никогда не имел никакого соприкосновения с цыганским этносом, культурой или языком, воспринимается как объективная реальность, как судьба. Естественно, было бы жестоко лишать ребенка его «судьбы», даже если эта судьба состоит в том, чтобы стать человеком второго сорта в чешском обществе.

Далее нам посоветовали следующее: чтобы чешское общество относилось к цыганскому ребенку толерантно, родители должны найти в нем таланты и развить их. Если он будет в чем-то, например в музыке, лучше чехов («нас» – так дословно звучал совет защитника цыганских прав, в котором присутствовало ясное разделение на «мы» и «они»), то его будут больше уважать и, может быть, даже почти примут. Получается, что чешский малыш, автоматически записанный в «мы», имеет право на спокойное и счастливое детство без реализации программы – быть лучшим, а такой, как наш Фома, по факту своего рождения и неподходящей внешности принадлежит к низшей социальной группе и должен прилагать усилия, быть лучшим, чтобы окружающая среда была к нему благосклонной. Социальный работник помещает «цыганского» ребенка вне общества, в котором он появился на свет, не включая его в понятие «мы». Но, добавим, и признание его возможных жизненных успехов не сделает цыгана чехом, которые в этом случае будут смотреть на него как на природный курьез, как на исключение из правил. Следующим предрассудком, к которому мы еще вернемся, является высказывание о том, что в системе ценностей у цыган образование занимает едва ли не последнее место.

Еще одна расхожая идея заключалась в предположении социального работника, что преуспеть в музыке нашему мальчику не составит большого труда, так как «все цыгане очень музыкальны». Здесь опять воспроизводится идея нации как сверхъестественного мифологического индивидуума. Повторим, что речь идет о двухлетнем ребенке-сироте, который короткое время видел своих родителей и никогда не был за пределами детского дома. Но он уже цыган, обладающий в силу этого музыкальными талантами. Многие социальные работники начисто лишены необходимой для критического восприятия действительности рефлексии на собственные утверждения. Они не замечают абсолютной нелепости этих утверждений. С точки зрения здравого смысла понятно, что цыгане так же, как и остальные люди, могут иметь музыкальный слух, а могут и не иметь его.

Таким образом, мы можем заметить, что мифологическое представление о нации как о мифическом индивидууме, как упоминает цитированный выше Курт Хюбнер, воспринимается некритически. Определение этничности детей, которые остались без родителей, являет собой показательный пример формирования подобного «воображаемого сообщества» с использованием научных методик, которые становятся псевдонаучными, когда переносятся на мистические объекты: нацию и этнос.

Определение этничности. Зачем?

Если обратиться к официальным данным, то цыганские дети ЧР появляются в статистике только в возрасте от 0 до 3 лет [4, s. 9]. При этом в Чехии нет законов, запрещающих сбор информации об этнической принадлежности, хотя нет и прямых указаний собирать такие сведения. Поэтому социальные работники признают, что они заносят в личные дела детей, т. е. фиксируют документально, данные

о цыганском происхождении в тех случаях, когда получают их от родителей или родственников этих детей. В иных случаях, когда родители себя цыганами не называли, т. е. когда для родителей подобная самоидентификация неважна или нежелательна, записи о цыганских корнях, по всей логике, не должны возникать.

Однако социальные службы всегда действуют в интересах ребенка, а тут всё зависит от того, что же считать его интересами? Как показывает анализ материалов пособий и книг, творящих стратегию поведения социальных служб, государство считает высшей ценностью жизни ребенка-цыгана его будущую самоидентификацию. Поэтому логично, что ей предшествует идентификация в момент попадания ребенка в детский дом в Чехии; при отсутствии иных данных, его этничность определяется визуально: по цвету его кожи, глаз, волос. Обратимся к брошюре «Пожизненное наказание. Цыганские дети в детских домах Чешской Республики», которая сообщает: «Органы социально-правовой охраны детей могут в случае необходимости производить аудиовизуальные записи ребенка и его семейной среды, которые, без сомнений, могут нести сведения об этничности ребенка/родителей» [4, s. 23]. Другими словами, органы социально-правовой охраны детей проводят тайное расследование с целью выяснения этничности ребенка и его родителей, что является, по их собственной терминологии, «чувствительной информацией» [4, s. 23]. Практика определения детей прямолинейно описывается в том же источнике остравским куратором по работе с детьми и молодежью. Приведем здесь фрагмент интервью с директором детского дома в городе Мост: «В отделениях детских домов, предназначенных для грудных детей, этническая принадлежность определяется по имени ребенка и по его внешнему виду или же путем запроса, направленного в социальную службу» [4, s. 90, прим.]. Получается, что, несмотря на отсутствие точных определяющих признаков этнической принадлежности и указания закона устанавливать таковую, субъективное решение анонимного чиновника может определить дальнейшую судьбу ребенка. Следует подчеркнуть, что здесь со стороны чиновников органов социальной опеки нет никакого злого умысла.

Описанная практика интересна с точки зрения обнаружения тонкой грани между воображением и действительностью. Субъективное воображение сотрудника социальной службы оборачивается кошмарной действительностью для ребенка. Однако воображение чиновника не является «фикцией»⁵, т. е. произвольным измышлением, фантазией, не соответствующей действительности, так как для него, как для чеха, нация существует как мифологический индивидуум. В принципе, в этом романтическом представлении ничего порочного нет. Зло возникает тогда, когда чиновник берет на себя функцию борца за чистоту расы. Функцию, по сути, карательную, которая, однако, не прописана ни в каких официальных документах. Иначе сложно было бы объяснить, почему чиновники прилагают столько усилий, которых государство как работодатель от них вовсе не требует.

Можно предположить, что конкретный человек, не только чиновник, но даже близкий и благожелательный по отношению к ребенку человек, его опекун или усыновитель, в подобном случае выступает как носитель коллективного сознания, которое подчиняет и подавляет его индивидуальный опыт и субъективное восприятие ситуации. В этом смысле такая мифологема, как «голос крови», имеет вполне реальное воплощение и артикуляцию. Когда обычные люди рассказывают вымышленные или «правдивые» истории о неполноценности «цыганских» детей и их врожденных преступных наклонностях, то в них действительно говорит «голос крови», другими словами коллективное сознание, отражающее филогенез данного народа, отлитый в устоявшихся клише. Мы не говорим здесь «коллек-

⁵ Мы не согласны с Филиппом Сарасином, что речь идет о фикции (ср.: [9, s. 151]).

тивное бессознательное», которым можно многое оправдать. Как христиане, мы признаем, что существует свобода воли, ибо контроль за собственным сознанием дан каждому человеку и каждому народу.

Этнос как синоним слова «цыгане»

Употребление слова «этнос»⁶ в чешском обществе отличается от научного и имеет свою специфику. Сейчас мы переходим к описанию наших шагов по приему в семью Фомы в хронологическом порядке. Такой подход поможет нам рассматривать проблемы, с которыми мы сталкивались, в их постепенности, так, чтобы не возникало путаницы и повторений. Наша история началась с посещения районной социальной службы, где мы заявили о своем намерении взять ребенка из детского дома под опеку или в усыновление/удочерение. Нам сразу был задан первый вопрос: «Вы толерантны к “иному этносу”»? На наш вопрос: «А что имеется в виду, какой такой иной этнос?» – последовал недоуменный ответ: «Цыгане!» Интересно, что народная семантика слова «этнос» у чехов фактически приближается к первоначальному греческому значению, так как древние греки обозначали им варваров, не обладающих политической организацией, или просто собрание живых организмов (например, «этнос муравьев») [6, s. 480].

По нашим наблюдениям, в Чехии под термином «этнос» подразумеваются именно цыганские дети, а не вообще дети других народов, например русских, украинцев, вьетнамцев или прочих, даже более экзотических для Средней Европы национальностей. Подобных детей прямо так и называют: украинец, русский, вьетнамец, негритенок и т. п. Следует заметить, что, несмотря на бытовую ксенофобию по отношению к русским и украинцам, сироты этих народов (их, правда, не так много) фактически не задерживаются в детских домах и быстро находят чешских усыновителей. Добавим, что людей в Чешской Республике, желающих иметь ребенка, больше, чем юридически свободных детей. Брошенные маленькие вьетнамцы и негритята, которые появляются крайне редко, кажутся чем-то совсем необычным, что тоже вызывает интерес потенциальных опекунов или усыновителей обоего пола. На основании личного опыта мы пришли к мнению, что этнический предрассудок в области усыновления или взятия под опеку детей существует только по отношению к «цыганским» малышам, которые, по данным социальных служб, составляют основной контингент детских домов.

Обратимся сейчас к понятиям «этнос» и «национальность». Рассуждениям на эту тему посвящает свое внимание Мартина Ванчакова – известный чешский психолог, мать четверых детей, из которых двое – цыганского происхождения – растут под ее опекой. Она является очень активным человеком, работала в Канцелярии Совета правительства по вопросам цыганской культуры, в настоящее время сотрудничает с целым рядом различных организаций, помогающих в усыновлении или передаче под опеку цыганских детей, координатор многих проектов и автор книг и статей. Мы можем с полным правом назвать ее одним из создателей и столпов существующего в стране дискурса по отношению к цыганам.

По мнению Мартины Ванчаковой, на которое ссылаются и которое часто цитируют, этнос отличается от национальности тем, что его нельзя выбрать, в то время как принадлежность к нации – дело личного вкуса. При этом Ванчакова в качестве примера этноса приводит чехов, словаков, немцев и вьетнамцев [10, s. 7], хотя сами немцы не считают, что немцем можно только родиться, и предоставляют немецкое гражданство эмигрантам, как, собственно говоря, и чехи. Ванчакова же выделяет гражданство в так называемую «формальную» категорию и призывает не путать его с этносом и с национальностью. Гражданство в ее интерпретации

⁶ Проблему этноса как воображаемой группы поставил в 1920-х годах Макс Вебер (см.: [9, s. 152–156]).

есть некая фикция, необходимая лишь в практической жизни. Подчеркнем, что если гражданство есть всего лишь правовая фикция, то и равенство граждан перед законом есть равная тому правовая фикция.

Выходит, что человек, похожий на цыгана, рожденный в Чешской Республике и воспитанный в детском доме, имеющий чешское гражданство и пожелавший, поскольку имеет право выбора, иметь чешскую национальность, все равно навсегда останется цыганом. В этой связи этнос приобретает особое, мистическое значение, возвышающее его над понятиями нации и гражданства. В своем пособии М. Ванчакова трактует «этнос» как «общество людей, которое имеет общее расовое происхождение, обычно общий язык и общую культуру», но здесь же она отождествляет этнос с расой – «общее расовое происхождение» [10, s. 6–7]. Добавим, что от социальных работников мы неоднократно слышали понятие «цыганская раса». Получается, что в наше время, когда человек может выбрать себе даже пол по собственному желанию, изменить свое цыганское происхождение никто не в силах.

Далее Ванчакова приводит цитату из чешского Социологического словаря Я. Яндоурека, изданного в 2001 г., где, между прочим, уточняется, что одним из признаков этноса «может быть и то, что его представители понимаются другими как этнически иные». Заметим по ходу, что это высказывание социолога позволяет подвести научную базу под упомянутую мистическую способность чехов «видеть» цыган.

Анализируя взгляды М. Ванчаковой, интересно отметить особое выделение отдельным параграфом вопроса «происхождения» и «полупроисхождения» [10, s. 7]. «Полупроисхождение» обычно означает смешанное происхождение, когда ребенок имеет, например, одного родителя из доминирующего этноса, а другого из этнического меньшинства [10, s. 7]. Упоминание о «полупроисхождении» как раз и показывает, что в этом случае не подразумевается какое-то знание языка, фольклора и прочих культурных элементов, а под словом «этнос» и выражениями, его содержащими, мыслится именно расовое происхождение в его самом прямом историческом смысле. В этой связи вспоминается факт, что в Третьем рейхе выделялась особая группа людей полуеврейского происхождения: так называемые «мишлинги» [1, с. 32].

Вернемся к хронологии и к нашему первому походу в районную социальную службу. Итак, вопрос, который задается абсолютно всем будущим усыновителям или опекунам, приходящим в социальную службу со своими справками и документами, на нормальный язык переводится как вопрос о том, согласны ли они взять цыганского ребенка. Отметим комичную ситуацию – в отличие от Ванчаковой, которая этносом считает и чехов, чехи, сидящие в социальных службах, этносом считают только цыган.

Что же все это означает на практике? И тут опыт показывает, что в момент, когда надо решить, согласен ли потенциальный родитель на усыновление цыганенка, о какой-либо культурной принадлежности, языке, институтах, сопутствующих понятию «этнос», не думает никто. В ситуации, когда надо ответить «да» или «нет», весь «цыганский дух» содержится только в одном – во внешности малыша.

И тут выясняется, что цыгане бывают все-таки разные: от совсем «черных», не совсем «черных» и до совсем «белых». Социальная реальность создала в чешском языке особое понятие, которого, как кажется, не существует в других странах – «белый цыган», – обозначающее цыганского ребенка с белой кожей и голубыми глазами.

Следует отметить большое старание сотрудников социальной сферы пристроить цыганских детей в чешские семьи. Именно они активно используют эти не-

обычные выражения, уговаривая будущих родителей: «Цыганочка, но ведь этого не видно! Глаза голубые! Ей уже год, это уже не поменяется!» Тут, по ходу, можно отметить противоречие: если детям нужно говорить «правду», что они цыгане, и воспитывать их с этой правдой, то какая разница, какие у крохи глаза, карие или голубые? Если же официальным лицом делается упор на то, что чего-то не видно, то будущему родителю или опекуну как бы дается намек на то, что без «правды-матки» тоже можно жить. Этот намек, как мы увидим далее, понимается с полуслова.

В некоторых случаях, со стороны социальных работников с более развитым воображением, даже делается попытка вычислить процент цыганской крови. 50 % или менее – это тоже аргумент для усыновителя. Встречаются и такие выражения: «Он черненький, но он цыган всего наполовину, он может и побелеть еще» (наш случай, это слова одной из социальных работниц). А вот, скажем, 75 % цыганской крови уже заставляет приемных родителей задуматься, ибо большинству не хочется, чтобы «в коляске сидело что-то черное» (слова одной нашей знакомой, удочерившей «белую цыганочку»).

Суровая действительность заставляет многих искренних, хороших и добрых людей участвовать в унижительных играх. Люди отчаянно тратят время и силы, пытаясь обмануть расизм соотечественников. У многих возникает необходимость проконсультироваться с родственниками, даже устроить младенцу постыдные смотрины, чтобы родители приемных родителей – будущие дедушка и бабушка малыша – помогли определить, можно ли визуальнo отнести ребенка к цыганам. Мнение прародителей о том, что ребенок на цыгана не похож, часто является решающим доводом принять ребенка в семью. В дальнейшем многие родители тревожно всматриваются в малыша: не начинает ли он меняться не в ту сторону, т. е. не превращается ли он в чудовище, как в известных голливудских фильмах? В летний период многие усиленно и систематически мажут деток кремами против загара с самым высоким фактором – 50, подтавливая себя, наоборот, самым агрессивным солнечным лучам для того, чтобы добиться большего сходства.

Подведем итоги сказанному. Во-первых, мнение Макса Вебера или Бенедикта Андерсона, что этнос, как и нация, являются «вымышленными сообществами» [9, s. 156–164], а также осторожный подход к этим терминам в научной среде чешские социальные службы не принимают во внимание. Отсутствие всякого следа научного мышления у социальных работников обнаруживается уже в том, что, как уже было упомянуто выше, детей записывают в цыгане легко, и исключительно по внешним признакам. Поскольку юридически свободных детей мало, то желающим иметь ребенка ставится вопрос о возможности принятия в семью ребенка «инога этноса», что в переводе на нормальный язык означает, что речь идет о малыше, которого приписали к цыганам. В этой связи пространные этнологические экскурсы в пособиях для усыновителей и опекунов только запутывают читателя, указывая кремнистый путь в непролазные дебри научных споров на тему, что есть этнос. Кроме того, потуги Ванчаковой и ее коллег привести научную дефиницию этноса избыточны. Как показывает наш личный опыт, в среде социальных работников этим термином обозначаются исключительно «цыгане» и даже в пособии самой Ванчаковой, где, судя по названию – «Ребенок инога этноса в приемной семье», – вроде бы должна идти речь о детях разных этносов, подразумеваются главным образом цыгане.

С точки зрения не только науки, но и здравого смысла, нельзя говорить об этнической принадлежности детей, которые не пришли ни в малейшее соприкосновение ни с языком, ни с культурой своих родителей, а последние иногда и вовсе неизвестны. Тот факт, что юридически свободные «черненькие» цыганята («черные как полено»), по образному чешскому выражению, подразумеваемому, само

собой, полено обгоревшее) отправляются в международное усыновление и перебираются в Италию, Данию, Швецию, где никто не озабочен проблемами пробуждения «голоса крови», поисками в подростковом возрасте цыганской идентичности и прочими сопутствующими чисто чешскими «фольклорными» проблемами, показывает, что «голос цыганской крови» звучит исключительно в чешской голове⁷. В этой связи хуже всего приходится юридически несвободным детям: они, лишённые какой-либо моральной поддержки, проводят детство и юность в детских домах, впитывая в себя информацию о своей второсортности и врожденной ненормальности.

Представления о цыганах.

Отсутствие ума и близость к природе

Ни о каких врожденных особенностях человеческой природы русских, украинских, вьетнамских детей в области, связанной с заботой о детях, в Чешской Республике не говорится или почти не говорится (вьетнамцев, например, иногда обозначают как быстрых в реакциях, трудолюбивых, а чехов, что показательно, – как нормальных). Зато цыгане – излюбленная тема, которой озабочены не только специалисты по социальным вопросам. На эту тему с легкостью поспешит поделиться опытом почти любой чех или чешка. Каков же этот «этнос» в воображении чешского населения? А точнее, какие качества создают образ цыгана?

Один высокопоставленный чиновник, имеющий научное звание, доверительно сообщил нам, что мы должны быть готовыми к тому, что наш двухлетний Фома не сможет в силу умственного развития получить высшее образование (октябрь 2017). Этот уважающий себя администратор, само собой разумеется, никогда не видел ребенка и не знал о нем ничего. Для обоснования своего утверждения он рассказал нам историю своих знакомых, уже имевших ребенка и взявших в детском доме цыганского мальчика. Собственный малыш пошел в родителей, хорошо учился, а приемный мальчик, в силу врожденных данных, не мог. Отлично у него получалось только петь и плясать. Эта история послужила доктору наук материалом для обобщения и заключения о недостаточных умственных способностях нашего ребенка.

Подобных историй приемным родителям и опекунам цыганских детей предстоит услышать множество, причем в самых неожиданных местах и в то время, когда они менее всего будут к этому готовы. Все наши попытки привязать любой подобный рассказ к действительности, как правило, кончались неудачей. На вопрос, можно ли связаться с людьми, которые в своей жизни столкнулись с проблемами в воспитании цыганского ребенка, рассказчики иногда действительно жутких кошмаров, как правило, сообщают, что люди, о которых идет речь, уже уехали в далекие края, или же «они настолько стыдятся своего цыганского ребенка, что ни с кем не разговаривают». Истории эти построены по одной схеме и похожи одна на другую, заканчиваясь морализаторским выводом в духе «кровь не изменишь».

Но вернемся к описанному случаю, который как раз демонстрирует невозможность юридически доказать факт дискриминирующих высказываний. Невозможно показать умысел рассказчика, так как он якобы исходит из добрых побуждений, желая «предупредить» коллегу. Вероятно, то же имел в виду адвокат из благотворительной церковной организации, который посоветовал нам уехать из этой страны, так как цыган не имеет здесь никаких шансов жить нормальной жиз-

⁷ Однако «несуществующее» не означает «нереальное». Если люди в ведьм верили, то само по себе несуществование ведьм никак не помогло тем несчастным женщинам, которых сожгли в качестве ведьм.

нию («Достаточно будет перебраться всего на пару километров от чешских границ туда, на Запад!»).

Истории о врожденной глупости цыган, рассказываемые человеком, принадлежащим к интеллектуальной элите общества, однако, имеют иной социальный вес, чем подобные байки, распространяемые обычными людьми. Речь идет о неосознаваемой (осознаваемой?) социальной ответственности. Очень часто толерантность, терпимость, доброта не являются этическим кодексом научных работников. Научная работа, как видно, никак не связана не только с этическими нормами, но также с рефлексией и критическим подходом к жизненным ситуациям. Хотя это не наша тема, но стоит упомянуть и о роли ученых в чешском обществе. Люди, авторитет которых подтвержден учеными степенями, вовсе не являются источником здравого смысла и рациональной критики и точно так же, как необразованный таксист, бездумно распространяют слухи и вымыслы.

История о «неразвитом» цыганском уме имеет разные варианты. Многие уверяют, что для цыган образование не является приоритетом, а точнее, более научно-образно, оно в системе их ценностей стоит на самом последнем месте. Здесь мы имеем дело с весьма известной и сильно критикуемой теорией «культуры бедности». Суть ее в том, что бедные бедны потому, что имеют иную, чем богатые, систему ценностей, и их ценности не позволяют им получить образование и хорошую работу. Правда, дети до трех лет вряд ли успели обзавестись какими-то ценностями, если только не предположить, что эти ценности врожденные и обусловлены генами. Занимательно, что М. Ванчакова, принимая названную выше теорию, подчеркивает, что «культура бедности соединена с социальной ситуацией и никоим образом не зависит от этничности или расы человека», но тут же сообщает, что ребенок, живший до трех лет в такой культуре, уже усвоил ее ценности и при сочетании неблагоприятных факторов легко соскользнет в «патологические формы жизненного стиля» [10, s. 20].

В качестве замаскированного обоснования цыганской «культуры бедности» приводится информация о якобы большей, чем у других народов, близости цыган к природе. Эти рассуждения мы услышали от сотрудницы «Хорошей семьи», которая нам рассказывала на вышеупомянутой консультации об особенностях цыган. Мы недоумевали: почему наш Фома ближе к природе, чем любой другой ребенок? Он же не Маугли, и растет не в лесу! В этой связи нужно подчеркнуть просто немыслимый «винегрет», состоящий из смеси понятий, фактов и буйной фантазии и служащий объяснением «натуральности» цыган. Коротко: близость к природе продиктована жизнью в кочевом таборе. А табор – их стихия. На наше недоумение по поводу кочевого табора, в котором никто из современных цыган не вырос, сотрудница сказала, что свободу цыган в Чехословакии ограничили коммунисты, пришедшие к власти в 1948 году. Это они запретили кочевать, заперли цыган в квартиры, а там они жить не могли и не могут, не умеют и не хотят («срывают паркет и устраивают костер»). Эти рассказы вызывают соблазн пошутить о том, что, руководствуясь такой логикой, цыгане должны рваться к скрипящим, подпрыгивающим на каждой кочке и грохочущим по европейским каменным мостовым деревянным повозкам, а не к использованию современных и комфортных авто. Как мы видим, коммунисты ответственны за еще одно преступление против народа.

Замечательно, что романтическое описание кочевников мы встречаем уже в «Илиаде» Гомера⁸. Кочевники гиппомолги у Гомера – самые справедливые из всех людей, и это потому, что они пьют молоко. Как потребление молока может быть связано со справедливостью? Разумеется, только мифологически. Примерно

⁸ «...И дивных мужей гиппомолгов / Бедных, питавшихся только млеком, справедливейших смертных» (Илиада, пер. Гнедича, любое издание, 13,5-6).

такой же «гомерический» уровень аргументации обнаруживают те, кто объясняют, что цыганский ребенок, родившийся в Чешской республике и никогда не видевший никакого табора, хочет туда и не желает приспособиться к жизни в квартире. В этом и выражается его близость к природе, развивающая эмоции, а не мозг. Именно поэтому, как объясняют в Чехии, цыгане не учатся в училищах и университетах и не получают ни среднего, ни, тем более, высшего образования.

Печальная правда заключается в том, что чешское общество, погруженное в предрассудки, связанное путами бытового расизма, в лице своей образованной части – посредством психологов – отправляет детей, часто действительно родителями не подготовленных (но не неспособных к учебе), из социально слабых цыганских семей в школы для отстающих в развитии детей. Закончив их, в силу некачественного среднего образования, они не имеют возможности получить высшее. Однако этот социальный факт в чешском национальном сознании перерабатывается в факт мифологический.

Мифотворчество о цыганах – отдельная тема. К сожалению, мифотворчеством заняты также родители и опекуны, растящие цыганских детей. Основа мифов – убежденность в существовании этноса как сверхъестественного трансцендентального единства. С этой точки зрения все сложности и недостатки поведения, которые в случае чешского ребенка объяснялись бы естественными причинами, например неспособностью сосредоточиться, элементарной ленью, рассеянностью, злоупотреблением Интернетом и т. п., в случае цыганского ребенка объясняются врожденной тягой откочевать в какой-то табор, убежать на волю, в некие пампасы. В этой связи перегруженность приемных родителей и опекунов специфической информацией о цыганах, об их происхождении, суцая пуганица в понятиях «раса», «этнос», «национальность», «гражданство» не только не помогает им, но прямо мешает. Вместо того чтобы решать конкретную проблему, а именно разобраться в причинах, почему ребенок плохо учится, приемные родители и опекуны заняты попытками проникнуть в индийскую мифологию и прочую мистику, пытаясь постичь суть загадочной цыганской души, которую нельзя мерить общим аршином.

Гены как богини судьбы

От проблем «отсутствия ума» мы перейдем к иным легендам. К ним относятся взрывной темперамент цыган и их повышенная эмоциональность. Объяснения содержатся опять же в сфере «близости к природе». Такие фразы, как «Цыгане ничего не забывают – ни добра, ни зла», «Если ты к ним с добром, они тебе ответят сторицей», «Если ты им что-то сделаешь, они могут тебя и зарезать», не происходят из каких-либо тестов или исследований. Они – результат чистой фантазии.

Некоторые мифы, однако, опираются на «научные» конструкции. Сотрудница «Хорошей семьи» на полном серьезе рассказывала нам, что в Чехии были проведены психологические тесты, которые показали, что цыганские дети в силу наличия особых генов не умеют предвидеть последствия своих поступков, поэтому они с легкостью совершают преступления. Получается, цыгане просто не понимают, что их могут поймать и наказать. Публикации подобных тестов и их организатора нам не удалось разыскать.

Одна мама, удочерившая «белую» цыганочку, рассказывала нам, что в Праге есть лаборатория, куда можно сдать слюну ребенка. Наука, по ее словам, способна определить, является ли хозяин этого биологического материала цыганом или нет. На наш вопрос, а определяется ли частичное «цыганство», она ответила сначала, что да, само собой разумеется, а потом в своих словах засомневалась. Эти рассказы мы встречаем неоднократно. На их фоне опять всплывает тема отождествления «цыганства» с генетическим заболеванием или инвалидностью. Попытка

опровергнуть взгляды наших собеседников с точки зрения здравого смысла, что, дескать, если «цыганство» – это болезнь, то тогда нужно менять законодательство и прощать совершенные злодеяния, ибо преступники в них неповинны, вызвала искреннее недоумение. Но ведь больных людей действительно нужно не наказывать, а лечить. Тут, однако, встал бы вопрос: прощать ли только того, кто похож на цыгана – «черных» цыган? А как же быть с «белыми»? Или чехи и их «видят»? Абсурдность обвинения, лежащая прямо на поверхности, почему-то незаметна сотрудникам социальной сферы.

Следует отметить, что объяснение негативных человеческих качеств «плохими» генами – распространенная, очень опасная и очень сильная метафора, которая отражает воздействие научных исследований на общество. Цыганам предъявляется обвинение и в таких «генетических проблемах», как, например, нежелание работать. В одном из пособий, подготовленных и изданных в 2006 году словацким обществом «Возвращение», переведенном на чешский язык, опубликованном в Праге в 2012 году и бесплатно распространяемом в Чешской Республике, есть небольшая глава с названием «Цыгане имеют своеобразный жизненный стиль и своеобразные ценности» [8]. В ней сказано: «Их жизненный стиль характеризует: семейная жизнь, каждодневное ведение хозяйства, нелегальная работа, жизнь в настоящем, разница диалектов и солидарность» [8, s. 27]. «Нелегальная работа», т. е. труд, с оплаты которого не взимается государственный налог, по мнению психологов и иных специалистов общества «Возвращение» и их чешских коллег, вместе с разницей диалектов, – характерная особенность жизненного стиля цыган. Кстати, формулировка «жизнь в настоящем» (то, чему нас учит, например, йога) есть своеобразный вариант рассуждений о «близости» к природе. Нелепость брошюры просто вопиющая, но ее выдают желающим усыновить ребенка и всем ищущим информации об этом. Она существует и в версии цифровой, рассылаемой всем желающим.

«Они не приспособливаются» – вердикт, наиболее часто звучащий в средствах массовой информации. Что под этим подразумевается, нам непонятно. Может быть, то, что не все цыгане в жизни преуспели более, чем чехи? Словацкая брошюра тоже не обошлась без комментария этого факта: «У нас самым известным способом решения *цыганского вопроса* является стремление их ассимилировать, т. е. приспособить к большинству. (Эта идея в недавнее время легла в основу государственной политики.) Но и эти стремления не решают проблем совместного проживания цыган и нецыган. Примером их *неприспособляемости* у нас является, например, высокий процент цыганских детей в детских домах» [8, s. 27].

О культурных отличиях «этноса» сообщают социальные работники, называя, например, цыган «громкими», упоминая, что в трамваях они способны кричать друг другу что-то через весь вагон⁹. Только культурные отличия подменяются словом «генетические». Эти замечания сродни замечаниям об ограниченном уме цыган. Названная выше брошюра словацких специалистов предлагает такую информацию: «То, чем цыгане отличаются, тяжело охарактеризовать. Мы не располагаем никаким научным исследованием, которое бы нам точно описало, каковы цыгане, чем они отличаются от нецыган. Среди нас живет представление, что они темпераментные, громкие и агрессивные, более или менее отличаются в одежде, дети имеют проблемы в школах, а взрослые – на работе, они любят музыку, песни, танец, имеют много детей, живут большими группами на маленьких площадях, занимаются криминальной деятельностью, многие из них умеют использовать ситуацию в свою пользу и проч. Поэтому, чтобы мы могли их лучше понять, нужно знать о них больше» [8, s. 26–27]. Это восприятие словаками цыган анало-

⁹ Кстати, такими же «громкими» в восприятии чехов являются и русские, и, особенно, немецкие туристы.

гично восприятию русскими чеченцев или любых других кавказских народов, т. н. «кавказцев». Разумеется, «научное» изучение цыган ничего в этом смысле не даст, так как изучать нужно самих словаков, а именно механизмы формирования в словацком общественном сознании «воображаемого сообщества» в лице цыган. «Кровь не изменишь: вырастет и начнет воровать» – это выражение, как аксиома, устойчиво вписалось в сознание многих людей в чешском обществе, даже работников научных учреждений с учеными степенями. Мы не занимаемся обществом словацким, но, судя по брошюре, и там ситуация подобна.

Итак, вновь подведем итоги сказанному: по мнению, бытующему в чешском обществе, цыгане неумны, способны лишь петь да плясать, неспособны видеть ни на шаг вперед, очень эмоциональны, «громки», невоспитанны, не желают работать, а если работают, то не платят налогов, – одним словом, они не приспособляются. К этому можно добавить, что их традиционно обвиняют в воровстве и торговле наркотиками. Все эти «грехи» в народе называют «генетическими». Такой набор качеств – это то, что, по мнению многих, течет у малыша в крови. Именно поэтому чешские семьи не спешат принимать к себе детей, которые могут быть «цыганами».

Рассмотрим теперь значение термина «генетический». Мы не являемся специалистами-генетиками, но для нашего исследования важно не то, чем являются гены с научной точки зрения, а то, чем они представляются в общественном сознании. Гены воспринимаются как код судьбы, отсюда научный термин «генетический код» становится метафорой предопределенности и абсолютной предопределенности, если речь идет, например, об опасном наследственном заболевании. С одной стороны, это то, что не находится в нашей власти, с другой стороны, например, Анджелина Джоли удалила из своего тела яичники и молочные железы, так как ген онкологического заболевания этих органов угрожал ее жизни. Она стала примером для многих женщин планеты. Возможность устранить потенциальную угрозу здоровью действительно является достижением генетики и медицины.

Однако в контексте цыганской проблематики генам приписывается влияние на социальное поведение индивида, которое, в отличие от наследственного заболевания, невозможно ни удалить, ни просто поставить под контроль. В этом случае гены становятся синонимом бессознательного, под которым подразумевается наличие врожденных моделей поведения, лишаящих человека свободы воли и способности к рациональному поведению. Однако, в конечном итоге, когда мы говорим о бессознательном, то речь идет не о науке, а о философской позиции, которая отвергает объективное существование внешнего мира и нашу возможность познавать этот мир [12, s. 135].

В зависимости от занятой философской позиции ученые могут приходить к разным выводам относительно свободы воли и степени влияния бессознательного на поведение. Эти темы дискуссионные, и по ним нет и не может быть определенного мнения, так как в основе споров лежит метафизический вопрос об объективном существовании и познаваемости мира.

Конкретный специалист, который должен помогать обычным людям, оказывается в сложной ситуации. С одной стороны, он признает, что «голос крови» есть предрассудок и что генетика не влияет на поведение, но, с другой стороны, вынужден давать совсем противоположные советы, из которых прямо следует, что «испорченность» цыган врожденная, а значит, что следует логически, определяется генетическим кодом. В частности, М. Ванчакова предупреждает читателя, что не нужно воспринимать «цыганство» как своего рода инвалидность [10, s. 20], но из сущности ее советов никакое другое восприятие «цыганства» просто невозможно. «Цыганство» описывается именно как своеобразное генетическое заболевание:

«Родители обычно желают воспитанием *перебить* генетическое наследие биологической семьи ребенка» [10, s. 22]. Другими словами – воспитанием уничтожить некое зло или «культуру бедности», которые малыш, биологический отец которого часто вообще неизвестен, а общение с матерью было сведено к минимуму, все же обреченно несет в себе.

В этой связи вернемся к обозначенной Ванчаковой теме «полуцыганства», о которой мы говорили выше. Согласно ее мнению, «полуцыгана» все равно надо считать полностью цыганом, и в этом она более радикальна, чем пресловутые авторы «Нюрнбергских законов», так как «цыганство» может проявляться через поколения, что создаст в будущем проблемы чешским супругам. Ведь если один из них является «тайным» цыганом, то у них может появиться «потомок с ясными чертами этнического отличия» [10, s. 28]. Вот поэтому, предупреждает Ванчакова, «ребенок, который имеет этническое происхождение, отличающееся наполовину (и даже на еще меньшую часть), должен восприниматься как ребенок этнически отличающийся» [10, s. 28]. Для сравнения заметим, что в Третьем рейхе потомство от смешанных браков – метисы или мишлинги – «уже не считаются евреями, и немецкий закон, очень определенно в целом ряде параграфов, берет их под свою охрану, исходя из той мысли, что человек, в жилах которого имеется хотя бы половина не-еврейской крови, именно во внимание к этой не-еврейской половине, не должен уже считаться евреем, а если часть не-еврейской крови больше половины, то для отнесения его к еврейской категории и подавно нет основания» [1, с. 32].

Мы позволим себе задать вопрос: а не проявляется ли в процитированных опасениях забота о чистоте чешской расы? Не является ли эта чистота более высокой ценностью, чем благополучие маленьких граждан ЧР, которые могут, даже чисто гипотетически, замутить своим черным «цыганством»¹⁰ белое «чешство»?¹¹

Подростковый возраст у цыган

Итак, у некоторых потенциальных усыновителей цыганских детей страх парализует здравый смысл, и они отказываются от своей затеи, но есть и такие, у кого все же желание иметь малыша пересиливает предубеждения белой расы. Так в чешском обществе появляются «кокосы». Термином «кокос» чехи обозначают цыганского ребенка, который вырос в «белой семье». Метафора предельно понятна: коричневый снаружи – белый внутри. Интересно, что сами по себе «кокосы» психологов нервируют. Специалисты возражают и против двойной идентичности, «цыганский» ребенок, с их точки зрения, ни в коем случае не должен выдавать себя за чеха, даже если один из его родителей чех. Обычно дети-билингвы, т. е. рожденные в смешанных браках и свободно владеющие двумя языками, имеют социальное преимущество, что признаются за своих и в том и в другом обществе. «Двойная идентичность» – несомненное социальное преимущество, что чешские психологи, как показывает анализ текстов, отрицают исключительно в отношении цыган [10, s. 26].

Итак, получив ребенка, родители начинают растить и воспитывать своего «кокоса». И тут с самого первого дня, как ночной кошмар, родителей или опекунов преследует трансцендентальный страх, основанный на жутких рассказах, повторяемых везде и всюду, о том, что с наступлением подросткового возраста ребенок перестанет быть нормальным, бросит учиться, начнет искать компанию, в поисках самоидентификации он прибьется к «своим» – цыганам и начнет воро-

¹⁰ Romství – слово, отсутствующее в Большом чешско-русском словаре 2005 года и в интернет-версии словаря-справочника чешского языка (см: URL: <http://prirucka.ujc.cas.cz/?slovo=romstv%C3%AD>). Получается, что слово не существует в чешском языке, но поисковик Google выдает 2 810 000 случаев употребления этого слова в Интернете.

¹¹ Češství – чешское национальное самосознание.

вать, употреблять наркотики, а все девочки поголовно станут проститутками. Когда мы впервые привели нашего Фому к детскому врачу на запись, медицинская сестра сразу спросила: «Он цыганенок?» Этот вопрос застиг нас врасплох, на наш утвердительный ответ она покачала головой и сказала: «Но... а подростковый возраст?»

Этот страх подростковых мятежей «кокосов» прочно укоренился в сознании приемных родителей и опекунов в Чехии. Неудивительно, что одним из строителей этого мифа является весьма известная писательница, сценарист и публицист Тереза Боучкова. На ее роли в создании общественного мнения об усыновлении цыганских детей мы остановимся особо.

Писатели как выражение национального самосознания

Тереза Боучкова подарила Чехии собственный печальный опыт усыновления цыган. После удручающего диагноза – бездетность, – который позднее оказался неверным, она в революционные 1988 и 1989 годы взяла двух цыганских мальчиков из детского дома (в 1991-м у нее родился собственный сын). Мы слышали мнение одной социальной работницы, что «цыганскими» детьми Боучкову «наказали» коммунисты за диссидентство ее отца («Ей бы красивого, белого малыша не дали!»). Ванчакова также отмечает эту репрессивную практику коммунистического режима не давать «нормальных» детей политически неблагонадежным людям. Дескать, люди, за которыми водились некоторые политические грешки, получали в усыновление только «цыган», в качестве наказания [10, s. 11].

В связи с этим необходимо отметить, что единственное в Чехии исследование, сравнивающее цыганских и нецыганских детей, появилось именно при коммунистах, в 1981 году. Работа, основанная на анализе 800 цыганских и нецыганских детей, находящихся в семьях приемных родителей, не обнаружила никакого значительного различия между детьми. Правда, приемные дети, как цыгане, так и нецыгане, в целом чаще, чем дети из нормальных семей, не справлялись с программой обычной школы и были вынуждены посещать спецшколы. На это указывает сама Ванчакова [10, s. 27]. Получается, что коммунисты, даже научно доказав отсутствие различий между цыганскими и нецыганскими детьми, наказывали диссидентов, давая им в усыновление только цыган. Что это? Показательный пример двойных стандартов коммунистов или же мифология послереволюционного времени? Тут нужно разбираться отдельно.

Сейчас, ради небольшого исторического экскурса, мы ненадолго отвлечемся от судьбы Терезы Боучковой. Он необходим нам для того, чтобы лучше понять ситуацию. Ванчакова справедливо замечает, что, например, в Великобритании потенциальные усыновители и опекуны, которые не согласны принять ребенка другой расы, вообще не могут стать опекунами или усыновителями [10, s. 10]. Особенность Чешской республики психолог объясняет тем, что это государство отличается «от многих европейских стран тем, что мы долго жили относительно законсервированными, изолированными от пестроты иных отличающихся народов. Смешанные партнерства или даже семьи являются для нас до сих пор темой сплетен и слухов» [10, s. 11].

Здесь мы сталкиваемся с полностью фантастическим историческим образом самих себя. Если не принимать во внимание сложные отношения со словаками в рамках одного государства, то даже в границах современной Чехословакии-Чехии в XX веке разыгрался серьезный этнический конфликт между чехами и немцами, который являлся хоть и не главной, но одной из причин Второй мировой войны. Кроме того, с 1921-го по 1938 год в Чехословакии была проведена Русская акция помощи – первая в мире успешная масштабная государственная программа по приему политических эмигрантов. В результате этой программы в чешское и сло-

вацкое общество влились и успешно в нем ассимилировались эмигранты разных национальностей, в том числе таких экзотических для Европы, как буряты, караймы и калмыки, с территории бывшей Российской империи. В качестве иронии судьбы можно воспринимать тот факт, что объединение чешских женщин-фашисток возглавляла Екатерина Гайдова, супруга генерала Родолы Гайды, черкешенка из Екатеринбурга. Говоря об иностранцах, можно вспомнить, что современные чешские националисты сплотились вокруг Томио Окамуры, выходца из чешско-японской семьи. Фактически, «законсервированным» народом чехов можно рассматривать только с 1993 года, что по историческим меркам – совсем короткий временной период. Исследователь с английским образованием Ирена Райхова замечает, что до 1945 года Чехословакия была многонациональным государством [7, s. 36].

Но вернемся к Терезе Боучковой и к эпохе, последовавшей после падения «коммунизма». Будучи сначала активным сторонником усыновления цыганских детей, она написала книгу «Индианский бег», по которой был создан романтический и добрый фильм с отвратительным, однако, названием «Вонючки». В нем рассказывается о семье, принявшей двух мальчиков и мужественно защищавшей их от предвзятости и грубой агрессии людей в чешской провинции, где все они жили. Жизнь, однако, шла своим чередом, в подростковый период у детей возникли проблемы с поведением. Боучкова вступила с детьми в открытый конфликт, сдала их в исправительную колонию для несовершеннолетних, а потом прервала с ними всякие контакты, лишив их наследства. Свой плачевный опыт она изложила на страницах книги с названием «Год петуха», представив себя, согласно собственным ощущениям, жертвой и признав, что эксперимент не удался. Тем самым она свела на нет всю красоту и благородство поступка, совершенного приемными родителями в описанном фильме.

Из текста книги «Год петуха» следует, что во всем виноваты не столько детские травмы, уж вовсе не воспитание и не обстоятельства, а то, что течет в жилах детей, – цыганская кровь. Причем сама автор этого открытым текстом не говорит. На собственной странице в Интернете Боучкова разместила многочисленные отклики на свое произведение. Один из них принадлежит известной чешской писательнице Мартине Биттнеровой, он носит название «Год петуха: Книга также о том, что цыган мы действительно не перевоспитаем». Вот что усвоила Биттнерова из книги Терезы Боучковой: «Без лишнего приукрашивания и сантиментов (Т. Б.) пишет в автобиографическом дневнике <...> о том, как разрушилась ее мечта о большой и дружной семье, как она старалась повлиять на гены своих двух усыновленных детей цыганского происхождения. В успешном фильме “Вонючки” Боучкова рассказывает об их детстве, “Год петуха”, однако, показывает время, когда ее “цыганские мальчики” становятся подростками или, скорее, взрослыми. Она изображает момент, когда в них победили их биологические родители, когда в них в полной мере проявилось нежелание что-либо делать, жить нормальной жизнью, получать образование, заниматься спортом. Обоих парней, наоборот, потянуло бродяжничать, не работать, принимать наркотики, а, главное, с помощью воровства дома получать средства для своего странного существования»¹².

Книга стала популярной. Само собой разумеется, что она вызвала и волну критики. Критика сейчас, по прошествии лет, утихла, а книга осталась, и в многочисленных филиалах городской библиотеки на нее нужно записываться в очередь. Для нашей проблематики важно то, что, по нашим данным, чаще всего из книги Боучковой делают именно такие выводы, какие мы привели выше. Люди верят и писательнице, и ее умозаключениям не задумываясь. Читая, они почему-то не за-

¹² Tereza Boučková : [сайт]. – URL: Terezabouckova.cz

мечают пассажиров, в которых писательница искренне рассказывает о своих воспитательных методах, которые нормальный человек воспримет как жестокое, граничащее с издевательством обращение с детьми, что заслуживает если не вмешательства полиции, то, по крайней мере, внимания социальной службы.

Кроме данного литературного опуса, многие в Интернете делятся собственным негативным опытом, рассказывая, что именно в подростковом возрасте их детей будто подменили. Интересно, что эти рассказы очень похожи один на другой. Родители снимают вину с себя, с обстоятельств, списывая все на «гены».

Если в двух словах обобщить эту информацию, то угроза звучит так: цыганский ребенок, вырастающий в «белой» семье, став подростком, начнет поиск собственной идентичности. Без каких-либо альтернатив, этот поиск приведет его туда, где ему будет комфортно, туда, где он будет чувствовать себя собой. Место это – этническая преступная группа.

А теперь отвлечемся от цыган. Проблема подросткового возраста в настоящий момент уделяется в обществе внимание большее, чем когда-либо в истории. Это связано не только с развивающимся с 1930-х годов детоцентризмом, но и с тем, что родители в эпоху чрезмерно потребительского общества, с его дефицитом моральных ценностей, не справляются с воспитанием детей. Именно поэтому, например, грубое хамство подростка легче списать на возраст, чем пытаться ему противостоять. Противостояние или же воспитание требует сил, а силы исчерпаны работой и поиском средств для поддержания уровня все дорожающей жизни.

Чешские семьи, как и семьи в иных странах, тоже стоят перед вопросом подросткового возраста детей и негативных проявлений подростков. При этом ни от психологов, ни от социальных работников мы никогда не слышали о том, чтобы чешских подростков волновал вопрос самоидентификации с точки зрения народности или «этнуса», чтобы они задумывались над своей «чешскостью», чтобы путь поиска самих себя привел их в чешские преступные группы, которые, безусловно, существуют. Ничего подобного мы не нашли применительно к вьетнамцам, которых в Чехии много. Вьетнамцы сами себя не ищут, получается? А вот цыгане ищут идентичность. Так ли это? А если да, то кто толкает их на эти поиски?

Цыгане воображаемые и реальные

Напомним уже упомянутый факт, что добровольно отождествили себя с цыганами в Чешской Республике только 11 000 человек, а свыше 200 000 были отнесены к цыганам помимо их воли. Как показывают наблюдения, с тем «воображаемым сообществом» цыган, которое сконструировано в чешском общественном сознании, и сами цыгане, и «белые», воспитывающие цыганских детей, не хотят себя идентифицировать.

Наша знакомая, мама приемной дочери, «белой» цыганочки, рассказала нам, что правду о цыганском происхождении ее дочь если и узнает, то только тогда, когда вырастет и «будет соображать», кому эту информацию сообщить можно, а кому нет. Нам известны истории молодых людей, воспитанных в чешских семьях, где им не было сказано о том, что они цыгане. Родители фантазировали, выдумывая предков из Индии или из Италии, что впоследствии всем доставило много проблем и разочарований. Мы слышали от переживших большие муки «кокосов» о том, как они вращались окружающим, испытывая при этом колоссальный дискомфорт. Парадоксально и больно в XXI веке в центре Европы видеть 35-летнего юриста, который стесняется сообщить своей девушке о своем цыганском происхождении. Белая женщина со смуглым ребенком сейчас уже не привлекает внимания, но белая пара в подобной ситуации обращает на себя внимание на детских площадках. Словацкая брошюра, изданная обществом «Возвращение», наивно и простодушно констатирует факт: «Мы не привыкли принимать иную культуру и

считать ее такой же хорошей, как и наша» [8, s. 26]. В этом высказывании, под которым могут подписаться и многие чехи, очевиден взгляд на цыган как на иностранцев, которые пришли в Чехию или Словакию со своей культурой. Но это – намеренное искажение фактов, так как речь идет о части словацкого и чешского общества, которое фактически, за исключением совсем небольшого числа, не обладает никакой иной культурой, кроме чешской или словацкой. Тем более, когда речь идет о малолетних детях. Их фактически лишают родины, языка, культуры, искусственно создавая из них «иностранцев».

В данной ситуации возникает вопрос: а зачем вообще нужна такая расовая идентификация, раз она приносит одну боль и психические проблемы? И тут мы подходим к проблеме искусственно создаваемого давления на родителей и опекунов, детей и подопечных. А источник этого давления – психологи и социальные работники, книги, пособия, фильмы и пр. По мнению всей этой многочисленной команды, цыган должен осознавать, что он – цыган. Несмотря ни на что: ни на то, что он вырос в чешской семье, ни на то, что он не хочет быть цыганом, ни на то, что он просто вообще не желает об этом думать.

Советы специалиста: план поддержки идентичности

Представим себе ситуацию: мы взяли в семью оставленного родителями годовалого ребенка. Чешская социальная служба определила его по внешним признакам как цыгана. Мы переживаем, нервничаем, ищем ответы на многие вопросы в литературе. Несколько раз упомянутое выше пособие М. Ванчаковой предлагает приемным родителям держаться правила из пяти частей. Прокомментируем это абсолютное недоразумение.

1. Принять отличия

Чтобы мы смогли естественным путем помочь создать его собственную идентичность, мы должны, в первую очередь, внутренне принять факт, что его идентичность отличается от нашей и от идентичности наших биологических детей. Она не хуже и не лучше, она так же качественна, но отлична.

2. Постепенно

Если мы будем заботиться о развитии ребенка с самого начала, мы сможем сделать более спокойным бурный период подросткового возраста, когда ребенок будет остро переживать, что он «иной».

3. Естественным путем

Элементы, которые помогут ребенку развивать его идентичность, нужно включить в каждодневную жизнь всех членов семьи. Если у ребенка сильное ощущение, что он иной, то он может часть собственного «я» начать подавлять, желая слиться с остальными.

4. Положительно

Наследие происхождения ребенка мы должны считать обогащением нашей жизни, нашей семьи. Принятый ребенок будет обогащен нашей культурой, мы обогатимся познанием его культуры.

5. Действовать по плану

Для развития идентичности принятого ребенка иной культуры мы должны сделать что-то сверх того, что при воспитании детей того же самого этноса делается как бы автоматически, нам в детстве было достаточно спонтанно принимать нашу идентичность от наших родителей и педагогов [11, s. 11].

Получается, что, приняв «цыганенка», который еще и ходить-то толком не научился, в семью, согласно этой рекомендации мы должны заставить себя осознать его «иную идентичность» – но ведь у него ее еще нет! Он не знаком с цыганской культурой, не знает цыганского языка, как еще не знает и чешского, и какого-либо другого. Попав в нашу семью, он может расти в ней точно так же, как и

наши собственные дети. Но нет! Ванчакова констатирует: «Если мы решили принять в семью ребенка иного этнического происхождения, мы должны одновременно взять на себя и обязательство развивать эту часть идентичности нашего ребенка. Как подчеркивает доктор Иероним Климец, речь идет о необходимости, а не об обязанности познакомить ребенка с миром цыган. Только так у нас есть шанс предотвратить проблемы с идентичностью, которые, вероятно, появятся в период созревания» [11, s. 22]. Добавим, что Иероним Климец – известный чешский психолог. Ванчакова разработала «План поддержки идентичности», который касается детей в возрасте от 0 до 19 лет. Для грудных детей до 2 лет она авторитетно советует родителям делать следующее: «Узнайте, как можно в вашем районе связаться с цыганской семьей или со взрослыми цыганами» [11, s. 24]. Далее: «Дайте возможность вашим детям (не только цыганским) слушать звуки цыганского языка, мелодии цыганской музыки» [11, s. 24]. Автор советует родителям погрузиться в мир изучения истории цыган, посетить Музей цыганской культуры в городе Брно. «Примите тот факт, что принятый в семью цыганский ребенок становится одновременно и чешским, а ваша семья с этого момента – частично цыганской. Каково Ваше отношение к цыганам, таковым Ваш ребенок примет его и по отношению к себе» [11, s. 24].

Для развития идентичности детей в возрасте от 3 до 6 лет специалистка рекомендует родителям продолжать интенсивно общаться с цыганскими семьями, далее изучать историю цыган, выучить наизусть несколько цыганских песен, а в окружающем мире искать цыганские авторитеты. Так, например, находясь в супермаркете, родители приемного цыганского ребенка должны поискать кассира-цыгана и пойти оплачивать покупку к именно ему, в больнице – обратиться к цыганке-медсестре, выбрать себе цыганку-парикмахера, пригласить в дом цыганского, а не чешского и не украинского сантехника. На вопрос – почему, она отвечает: ребенку нужен положительный пример, ибо «он поможет на бессознательном уровне нейтрализовать негативную информацию о цыганах, которую изливают средства массовой информации...» [11, s. 25]. Подчеркнем, что ключевым словом здесь является «бессознательно», оно намекает на коллективные архетипы Юнга, о которых будет сказано далее.

Итак, по мнению Ванчаковой и многих других специалистов, мы, принеся в дом малыша, оставленного цыганской мамой, должны включиться в некую нелепую ролевую игру, навязывать ему эту игру вместо реальной жизни, да еще и растить в ней и собственных детей. Для правдоподобия мы обязаны в нашу каждодневную жизнь включить цыганские ритуалы – скажем образно, исполнять цыганские песни, освоить цыганские танцы или гадание по руке, выучить на цыганском языке стихотворение. Старших и младших собственных дочек мы можем обвешать, например, золотом. Весь этот цирк, по мнению специалистов, нас «обогастит», и все участники представления должны это осознавать и понимать, что дети той же культуры перенимают ее от родителей, просто живя рядом, а дети «иной» культуры культуру приемных родителей перенять не могут, ибо она – не их. Их культура – это, как показывают многочисленные пособия, пара слов или песен на цыганском языке, цветастые одежды и гремящие золотые браслеты... и всё.

Реальный же мир цыганской культуры состоит из многих частей, о которых мы – не специалисты и не цыгане – не знаем фактически ничего. Цыганский язык имеет много диалектов, отдельные группы цыган представляют самостоятельные культурные традиции, при этом очень большая часть цыганской культуры находится сейчас, в силу исторического развития, в упадке. Эта область является самостоятельной специальностью, и чтобы ее освоить, нужны годы. Стоит ли с помощью цветастых нарядов или широкополых шляп устраивать представление, и кому оно нужно? Оно не знакомит ребенка, рожденного и оставленного цыган-

кой, которая, скорее всего, и сама-то по-цыгански не говорила и, значит, носителем цыганской культуры не являлась, с вымышленным «миром цыган», оно не поможет ему в этот мир попасть. Выучив цыганское приветствие или стихотворение, мы не дадим ребенку знания языка, который имеет много диалектов и особенностей.

Принудительное отчуждение

Вернемся еще ненадолго к пособию «Цыганский ребенок в приемной семье», в котором этот культурный «коктейль», который родители должны каждодневно мешать в своей семье, доведен до абсурда: «Если в семье есть дети и чешского происхождения... думайте и об их идентичности. <...> У детей младшего возраста необходимо следить за тем, чтобы не произошло путаницы. Может случиться, что при построении идентичности цыганских членов семьи могут и нецыганские дети понять, что они – тоже цыгане» [11, s. 22]. Далее брошюра приводит комичный пример, как мать приготовила кекс на 8 апреля – День цыган. А один из нецыганских детей ее семьи отказался от него со словами: «Я подожду, когда ты испечешь кекс для нас, для чехов!» [11, s. 22].

Итак, изложенные здесь факты показывают, что речь идет об искусственном мире, о фиктивной, в реальности не существующей проблеме. А теперь задумаемся над темой, а что же весь этот фольклор, подчеркнем – страшный! – вырастающий из убеждения: ты – не наш, не чех, ты – иной, может с душой малыша сотворить?

Брошюра общества «Возвращение» выносит бесхитростный вердикт: «Поскольку все имеют право свободного выбора собственной этнической принадлежности, Ваш ребенок тоже имеет свободу выбора быть (или остаться) цыганом. Цыганом как есть – с иного цвета кожей, характерным внутренним переживанием, с чувствительной душой, с любовью к музыке и к танцу...» [8, s. 29].

О национальностях мы уже говорили. Чех может по желанию стать словаком, а словак – чехом. «Мы сами себя переделать не можем, не можем стать цыганами, даже если захотим», – поучает брошюра [8, s. 29]. Заметим мимоходом, что существуют случаи, когда действительно цыганская семья не имеет наследника, а его наличие в цыганской культуре важно. Тогда родители берут мальчика из детского дома и этот ребенок оказывается, к примеру, русским по национальности. Он растет в цыганской семье, впитывает все традиции, отождествляет себя с ними, наследует имущество родителей. Кем является этот человек? Русским или цыганом? Согласно чешским интерпретациям – русским, ибо «мы не можем стать цыганами».

Цыган в Чешской Республике, а также и в Словацкой Республике, как следует из подобного рода поучительной литературы, не имеет выбора, свое «цыганство», по мнению чешских и словацких специалистов, он должен в себе пережить, смириться, принять – это звучит просто невероятно, но это так. А приемные родители обязаны помочь ему в этом.

Именно мы, получается, и должны сделать из принесенного в дом ребенка цыгана. Но не того цыгана, который является носителем действительно цыганской культурной традиции, – это не в наших силах, ведь мы к ней не принадлежим и не имеем шансов принадлежать, если только целенаправленно не посвятим этому большую часть жизни. Какого же? Нам предлагается вырастить человека, рожденного в Чешской Республике, как нечеха, более того, как нечто второсортное, мы и наш «цыганенок» должны согласиться с диагнозом, поставленным погрязшим в предрассудках обществом.

Если что-то в воспитании ребенка-цыганенка не получится, влияние среды окажется слишком сильным, он вырастет и попадет в этническую банду преступников, то это можно понять. Словацкая брошюра объясняет будущим родителям,

не выбирая выражений: «цыганский» ребенок «имеет невыгоду в том, что наши жизненные условия созданы в большей степени для нас, белых, а не для детей природы» [8, s. 29]. Эти утверждения вызывают грустные мысли о расизме. Особенно неприятно то, что речь идет о беспомощных детях, которых, повторимся, фактически лишают их родины.

Успехи микробиологии в XIX веке привели к важному открытию роли микроорганизмов как возбудителей инфекционных заболеваний. Читающая публика в этот момент получила возможность нового восприятия уже знакомой и старой метафоры, отождествляющей общество с организмом, который атакуют болезни. Теперь вредоносные бактерии, чтобы проникнуть в здоровый организм, должны, прежде всего, попасть на территорию страны, где проживают эти здоровые организмы. Заражение осуществляется посредством больных организмов, приходящих извне и приносящих заразу. Филипп Сарасин цитирует немецкие газеты, описывающие начало эпидемии тифа в Германии в 1879–1880 гг. как результат проникновения вредоносных элементов, являющихся переносчиками бактерий. В качестве таковых замечательно упоминается «банды цыган из шести человек, которая перекочевала откуда-то с севера на улицы Гейдельберга» [9, s. 226–227].

Вряд ли это был первый случай, когда цыгане приравнивались к социальным паразитам. С этой метафорой связывается метафорическая же задача политиков, как «врачевателей общества», придумать, что делать с «вредоносными организмами», которые переносят «инфекцию». К ней, добавим, позднее стали причислять и «бактерии коммунизма» или какие-нибудь вредные для общества взгляды или модели поведения.

Вернемся к нашей задаче показать расизм как речевое поведение. На примере метафоры о социальных паразитах мы показали, как научный факт, что некоторые болезни возбуждаются паразитами, становится оторванным от реальности художественным образом, где цыгане понимаются как общественные паразиты. Эта метафора обладает собственной логикой и фактически предопределяет восприятие реальности в чешском обществе. Однако эта метафора вряд ли обрела бы действенную силу, если бы не было изначальной установки воспринимать себя как господствующую «белую» расу.

Заключение и выводы

Анализ дискурса позволяет нам утверждать, что латентный расизм не является безобидным курьезом и пережитком сложностей чешской истории. Латентный расизм есть дискурс и речевое поведение, отрицающие принадлежность к народу, т. е. к метафизическому «мы», некоторой части населения, которая, в свою очередь, должна сознательно принять свою второсортность по отношению к настоящим, т. е. «белым», чехам.

В нашем коротком исследовании относительно чешского расизма как дискурса особенно явственна иррациональная вера в то, что все цыгане изначально заражены какой-то мистической испорченностью, которую нельзя исправить, так как речь идет об испорченной крови, о мистике крови. Все это указывает на то, что мы имеем дело с тем видом расизма, который, опираясь на идеи Андерсена [3, s. 153], мы можем определить как *донациональный*. Конечно, в чешском обществе присутствует и самый обычный национализм как вера в исключительность собственной нации, которая присуща фактически каждому народу. Однако дискурс превосходства чехов, например, над русскими или немцами никогда не упоминает о «голосе крови», в нем нет намека на неисправимую врожденную испорченность детей этих народов. Негативный образ России, построенный средствами массовой информации в сознании многих граждан Чешской Республики, не касается рус-

ских детей-сирот, и они вполне могут стать чехами, и чехи их охотно принимают в свои семьи.

На уровне государственного подхода к проблеме в Чехии и Словакии, цыгане рассматриваются как своеобразные «иностранцы», из них делают изгоев, культурных чужаков или, обобщенно, – «воображаемое сообщество» национального меньшинства. В этом случае государство создает проблему «колониального расизма» [3, s. 152], которую потом решает привычными способами мультикультурного подхода: конструирует цыганскую культуру и язык и навязывает их чехам, похожим на цыган. Возможно, что 11 000 человек, которые реально считают себя цыганами в Чехии, как показала последняя перепись, действительно страдают от расизма и нуждаются в защите и развитии своего языка и культуры, но настоящая проблема не в них, а в тех 200 000 граждан Чехии, которые были принудительно записаны в цыгане.

Негативное отношение чешского общества именно к цыганским сиротам показывает, что вовсе не мифический асоциальный «кочевой» образ жизни цыган, не этническая преступность цыган, а именно взгляд чехов на самих себя как на «белых» и «нормальных» является причиной негативного отношения к цыганам. При этом, как мы попытались показать, речь идет вовсе не о национальном самосознании. Чешский национализм ничем не отличается от любого другого, и в конструировании чешской нации как воображаемого сообщества цыгане не играют почти никакой роли. Но их роль незаменима в осознании чехами себя в качестве, говоря сегодняшним языком, «цивилизованных европейцев». Именно это отчуждение цыган как воображаемого сообщества «черных», как нечистого, больного элемента, способного заразить здоровое общество, как раз и обнаруживает эту вторую самоидентификацию, которую легко спутать с национализмом, но которая им не является.

Для самоидентификации в качестве расы белых господ, как полагает Андерсен [3, s. 153], американцам были нужны негры, которые играли эту роль, даже являясь юридически свободными людьми, ну а немцам, за неимением негров, потребовались евреи. Правда, следует заметить, что если в Третьем рейхе «полуеврей» все же имел какие-то шансы на социализацию, то в современной Чехии даже «полуцыган» никогда не сможет стать чехом. Тем не менее утверждения Андерсена помогают понять утвердившуюся в чешском и словацком дискурсе поляризацию чехов (словаков) и цыган как «белых» и «черных», хотя голубоглазые цыганочки иногда имеют более белую кожу, чем многие чешки. Но «белизна» и «чернота» появляются в дискурсе как метафоры, которые имеют религиозно-мистическое значение чистоты крови (традиционно: ангелы – белые, а черти – черные).

Отождествляя национальную и расистскую самоидентификацию, Ирена Райхова пришла к выводу о том, что при построении национальной идентичности необходим образ «другого» и здесь цыгане заменили чехам словаков, так как типические черты, такие как «близость к природе», повышенная «эмоциональность», культурная «отсталость», ранее приписывались именно словакам [7, s. 38–39]. Вывод И. Райховой, без сомнения, интересен, но нам не кажется, что он исчерпывающе объясняет ситуацию. Ведь специфическое отношение к цыганам существовало и до 1993 года, когда словаки выделились в отдельное государство.

Итак, цыгане как «воображаемое сообщество» необходимы чешскому обывателю для конструирования собственной идентичности. Обоснование этой идентичности иррационально и мистично, опирается на веру в происхождение. Об этом свидетельствуют такие факторы.

Во-первых, это признание научных фактов и игнорирование их в одном и том же тексте. Например, специалисты подчеркивают, что к «цыганству» нельзя отно-

ситься как к врожденному генетическому заболеванию, как к «инвалидности», но по факту именно так и рекомендуется относиться к цыганам, т. е. ни в коем случае не пытаться делать даже из «полуцыгана» чеха, так как «цыганство» может проявиться в последующих поколениях. Данные единственного научного исследования 1981 года, которое не выявило различий между приемными цыганскими и нецыганскими детьми в чешских семьях, цитируются, но при этом полностью игнорируются. В соответствии с упомянутой моделью Сарасина, научный дискурс как бы проявляется в мифологическом дискурсе, но никак с ним не соединяется. Если мы проведем мысленный эксперимент и уберем из антицыганского дискурса слой научного дискурса, то основные тезисы, обосновывающие генетическую второсортность цыган как этноса, не изменятся, но не будут соответствовать общей либеральной риторике. Если же оставить только дискурс научный, то под угрозой окажется конструирование цыган как «воображаемого сообщества», что является неотъемлемой частью создания воображаемой чешской нации.

Во-вторых, «цыганство» фактически воспринимается специалистами как «коллективное бессознательное» в смысле идей Карла Густава Юнга; отсюда разного рода советы, касающиеся контакта ребенка с «цыганским» окружением, которое будет для него «бессознательным» источником положительных примеров, – кассиром, напоминающим по виду цыгана, в супермаркете. С одной стороны, «коллективное бессознательное» Юнга – это, фактически, иррациональная концепция, тогда как наука рациональна. С другой стороны, речь идет о концепции, употребляемой научным сообществом в психологии, культурологии и прочих науках. Эта двойственность концепции «коллективного бессознательного» позволяет обосновать то, что одновременно отвергается специалистами как антинаучное, а именно влияние генов, т. е. «голос крови», взгляд на «цыганство» как на наследственное заболевание и проч.

В-третьих, в пособиях и рекомендациях мы видим своеобразную игру с данными таких наук, как этнография, культурология и прочих. Поверхностное, «фольклорное» изучение цыганской культуры фактически уводит опекунов и приемных родителей далеко в сторону от реальной, насущной социальной проблемы. Предполагается, что ребенок до трех лет уже все это «богатство» культуры содержит в своей маленькой головке, а родители должны это в нем пробудить своим нелепым поведением – танцами и гаданием по руке. Цель такого «этнографического» давления на родителей и опекунов заключается в том, чтобы сделать из цыган культурных «чужаков», сформировать их восприятие как пришлого элемента в чешскую культуру. Добротные научные данные по этнографии и культуре цыган вообще не имеют никакого отношения к проблеме чешского расизма, так как в случае чешских цыган речь идет не о людях чужой культуры, а о гражданах Чехии, которые здесь родились и вырастают.

В-четвертых, для оправдания собственного расизма, который открыто признается и, получается, вообще считается не чем-то постыдным («Да, мы расисты» – частое выражение социальных работников, психологов и прочих граждан страны), а своеобразным следствием исторической судьбы, искажаются исторические факты и чешское общество подается как несущее следы «законсервированности»: дескать, оно с незапамятных времен было сплоченным, надежно охраняемым от каких-либо контактов с иными народами, что не соответствует исторической действительности. Впрочем, данные научных изысканий не обладают самостоятельным авторитетом и имеют вторичное, инструментальное значение для обоснования социальной сегрегации. Научные данные обычно никак не связаны с текстом и приводятся только для придания тексту вида «научности». Кроме того, как показывает Курт Хюбнер, в основании современных национальных государств ле-

жит представление о нации как о «сверхъестественном индивидууме» [2, с. 331], что, конечно же, очень далеко уводит нас от рациональных научных представлений.

Литература

1. Варшавский С. И. Очерк гражданского права. Лекции, читанные на юридических курсах при Русском свободном университете в Праге. – Прага : Издание Русских юридических курсов, 1942.
2. Хюбнер К. Истина мифа : пер. с нем. – М. : Республика, 1996. – 447 с.
3. Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. – London : New York : Verso, 2016.
4. *Doživotní trest. Správa Evropského centra pro práva Romů. Romské děti v ústavní péči v České republice*. – Budapešť, 2011.
5. Israel J. *Der Begriff Entfremdung*. – Hamburg, 1972.
6. Liddell H. G., Scott R., Jones H. S. *A Greek-English Lexicon*. – Oxford : Clarendon, 1996. – 2436 p.
7. Raichová I. a kol. *Romové a Nacionalismus?* – Brno : Muzeum romské kultury, 2001. – 247 p.
8. Roháček M., Priehradná D. a kol. *Zvýcháme si jeden na druhého aneb nová náhradní rodina v procesu adaptace : druhé revidované vydání / překlad Z. Straková*. – Praha : Středisko náhradní rodinné péče o.s., 2012.
9. Sarasin Ph. *Geschichtswissenschaft und Diskursanalyse*. – Frankfurt am Main : Shurkamp, 2014.
10. Vančáková M. *Dítě jiného etnika v náhradní rodinné péči*. – Praha : Středisko náhradní rodinné péče o.s., 2011.
11. Vančáková M. *Romské dítě v náhradní rodině. Občanské sdružení Rozum a Cit*. – Praha, 2008.
12. Windschuttle K. *The Killing of History. How literary critics and social theorists are murdering our past*. – San Francisco : Encounter Books, 2000.

Sergey Yakovlevich Gagen,

Cand. Sci. (History), Candidate Sci. (Law), PhD, visiting fellow, the Slavonic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (Prague, Czechia).

Yulia Yancharkova,

PhD, research staff member, the Slavonic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (Prague, Czechia).

«You are Gypsy but we love you in any case».

To the Question of Discrimination in Czech society

(illustrated by attitudes to so-called gypsy pre-school-age orphans)

The subject matter of our short investigation is some forms of verbal and written discrimination concerning pre-school age orphans (under 3 years old). Often without reasons, officials have identified them as "Gypsy" children. The authors constructed their methodological approaches based on the Philipp Sarasin's discursive analysis and Benedict Anderson's definition of nations as «imagined communities». We analyzed some texts of books and brochures written to help people in search to adopt a child or be a guardian. We visited some lectures and consultations for guardians because we are guardians, too. Moreover, we discussed and debated the question of gypsy children adoptions with different people, whether uneducated or well-educated, in different, often unexpected situations and places.

Keywords: racism; multiculturalism; Czech society; Gypsy; imagined communities; nation; nationalism; discrimination; invention of nation; construction of nation; mythological nation; national identification; domestic racism; colonial racism.